

"...ВСЕМУ, ЧТО У МЕНЯ ЕСТЬ ЛУЧШЕГО, Я НАУЧИЛСЯ У ВАС..."

По страницам писем Н. С. Гумилева к В. Я. Брюсову

Ольге, Юрию Поповым

Час ученичества - он в жизни каждой
Торжественно-неотвратим.
Цветаева

В сознании современников Н. С. Гумилева за ним прочно утвердилась репутация ученика В. Я. Брюсова. Поэт и не думал отрицать ее, посвятив Брюсову первое издание третьей книги своих стихотворений "Жемчуга" (1910), принесшей ему относительную литературную известность. Текст посвящения гласит: "Посвящается моему учителю Валерию Брюсову", и снятие этого посвящения в издании 1918 года ничего не меняет в существе дела, свидетельствуя лишь о том, что отношение Гумилева к Брюсову стало иным; читающая же публика по-прежнему продолжала связывать эти два имени, и один из мемуаристов свидетельствует, что во время выступления Гумилева в 1921 году в аудитории Политехнического музея в Москве (проездом из Крыма в Петербург) недоброжелательно настроенный слушатель бросил по его адресу реплику: "Третьеразрядный брюсёнок!"

На этих, когда-то общеизвестных обстоятельствах, может быть, и не следовало бы останавливаться, если бы не возможность того, что сейчас, в обстановке пробудившегося широкого интереса к личности и творчеству Н. С. Гумилева, будут приняты на веру саркастические высказывания из поздних мемуарных записей А. А. Ахматовой об "авторах диссертаций о Гумилеве, которые до сих пор пробавляются разговорами об ученичестве у Брюсова и подражании Леконт де Лиллю и Эредиа". Высмеивая этих "авторов диссертаций", А. А. Ахматова восклицает: "И где это они видели, чтобы поэт с таким плачевным прошлым стал автором "Памяти", "Шестого чувства" и "Заблудившегося трамвая", тончайшим ценителем стихов ("Письма о русской поэзии") [...]". Таким образом, факт ученичества отрицается исходя из позднейших высоких творческих достижений Гумилева и аксиоматично декларируемой "плачевности" учебы у Брюсова, а заодно и у Леконт де Лиля и Эредиа.

Между тем имеется ценнейший материал, говорящий о том, что в лице Брюсова юный Н. С. Гумилев нашел внимательного и взыскательного ценителя его дарования, который в течение ряда лет оказывал ему помощь разбором его произведений, советами, содействием в завязывании литературных знакомств и опубликовании произведений. Материал этот - до сих пор не публиковавшаяся у нас переписка Брюсова и Гумилева, не только проливает свет на взаимоотношения двух поэтов, но и является, быть может, самым интересным свидетельством того, какое живое, заинтересованное и бескорыстное участие принимал В. Я. Брюсов в судьбах молодых дарований, многим из которых он, как учитель, наставник, старший товарищ, открыл путь в большую литературу.

Переписка Брюсова и Гумилева сохранилась неравномерно. До нас дошла бо́льшая часть писем Гумилева к Брюсову, благодаря тщательному хранению последним своего архива и корреспонденции. Все они, в количестве 53, хранятся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (Ф. 386.84.18-20). Ко многим из них приложены собственноручные списки стихотворений Н. С. Гумилева, среди которых немало оставшихся не опубликованными им вещей. Что касается писем Брюсова, то мы в настоящее время располагаем всего восемью. Их и первоначально было, конечно, меньше, чем писем Гумилева, но и это первоначальное количество было со временем рассеяно, и к настоящему времени в поле зрения исследователей имеется пять писем в фонде Гумилева в ЦГАЛИ (Ф. 147.1.32), одно письмо в фонде Брюсова в ИРЛИ (Ф. 444. № 37) и два

письма в копиях П. Н. Лукницкого в архиве Брюсова в ГБЛ (Ф. 386.71.3; подлинники в 1925 году, когда были сняты копии, находились у А. А. Ахматовой).

Наиболее интенсивной переписка была в 1906-1910 годах, приходясь, таким образом, на время творческого становления Гумилева от выпуска им его первого сборника стихотворений "Путь конквистадоров" и до выхода в свет упрочившей его положение в литературе книги "Жемчуга".

"Путь конквистадоров" был издан Гумилевым, когда он еще учился в последнем, 8-м классе Царскосельской Николаевской гимназии. Цензурное разрешение на обороте титульного листа книги помечено 3 октября 1905 года. Сборник был во многом несамостоятельным, изобиловал расхожими символистическими штампами, перепевами мотивов Бальмонта, Белого, Блока. Однако он был замечен Брюсовым, напечатавшим о нем рецензию в № 11 "Весов" за 1905 год. В рецензии говорится о подражательности поэзии Гумилева: "В книге опять повторены все обычные заповеди декадентства, поражавшие своей смелостью и новизной на Западе лет двадцать, у нас лет десять тому назад. Г. Гумилев призывает встречаться "в вечном блаженстве мечты", любит на "радугу созвучий над царством вечной пустоты", славит "безумное пенье лир", предлагает людям будущего избрать невестой - "Вечность", уверяет, что он - "пропасть и бурям вечный брат" и т. д. и т. д." Отмечаются и технические промахи молодого поэта: "Формой стиха г. Гумилев владеет далеко не в совершенстве; он рифмует "стонны" и "обновленный", "звенья" и "каменьев", "эхо" и "смехом", "танце" и "багрянцы", начинает анапест с ямбических двухсложных слов, как "они", "его", а ямбы со слова "или" и т. д." Но тем не менее Брюсов сумел разглядеть в сборнике Гумилева нечто, позволившее ему сделать, хотя и с оговоркой, прогноз, оправдавшийся дальнейшей эволюцией поэта: "Но в книге есть и несколько прекрасных стихов, действительно удачных образов. Предположим, что она только путь нового конквистадора и что его победы и завоевания - впереди".

Желая принять действенное участие в судьбе молодого поэта, Брюсов обратился к нему с письменным приглашением участвовать в "Весках", фактическим руководителем которых он был. Письмо это, видимо, не сохранилось, но о его содержании мы можем судить по ответу Гумилева от 11 февраля 1906 года: "Я вам искренне благодарен за ваше письмо и за то внимание, которым вы меня дарите. Вы воскресили мою уверенность в себе, упавшую было после вашей рецензии. Очень благодарю вас за любезное приглашение участвовать в "Весках". Но я боюсь, что присылаемые с этим письмом стихи покажутся вам неудовлетворительными. [...] Поэтому, если присланные стихи будут забракованы, я пришлю вам другую партию, быть может, лучшую". Прилагавшиеся к этому письму стихотворения в архиве Брюсова отсутствуют, но о характере самых ранних вещей Гумилева, присылавшихся им на суд Брюсова, мы можем судить по шести стихотворениям, содержащимся в конверте без письма с надписью "Валерию Яковлевичу Брюсову". Возможно, это была та "другая партия", о которой он говорил в первом письме. Из них в "Весках" было опубликовано только одно - "Мой старый друг, мой верный дьявол..." (1907, № 7, под названием "Умный дьявол"). Среди остальных особое внимание привлекает фрагмент "Беспокоен смутный сон растений...", отчасти потому, что там имеется редакторская правка В. Я. Брюсова:

Беспокоен смутный сон растений,
Плавают туманы, точно сны,
В них ночные бабочки как тени
С крыльями жемчужной белизны,

И под этим замолчавшим небом
Ты с великой тайною - одно,
Угрожаешь Фебу, споришь с Фебом,
Но о чем, поведать не дано.

Он, как ты, изящен и утончен,
Но твой взор сверкает горячей,
Миг бежит, и дивный спор окончен,
Феб отрекся от своих лучей.

И тогда в твоём зеленом храме
Медленно, как следует царю,
Ты красиво-мерными стихами
Вызываешь новую зарю.

Седьмая строка фрагмента была поправлена В. Я. Брюсовым и в результате получила такой вид: "Одинокий, там ты споришь с Фебом", но и после этого работа Гумилева над текстом продолжалась, и в стихотворение "Император Каракалла" (II), опубликованное впервые в тех же "Весях" № 7, 1907, он вошел в полностью переработанном виде (сохранилась с легкими изменениями только последняя строфа).

Затем присылка Брюсову новых стихотворений на какое-то время прерывается. В письме от 8 мая 1906 года Гумилев посылает Брюсову залежавшееся в газете "Слово" стихотворение "Там, где похоронен старый маг..." (опубликовано в "Весях", 1908, № 6) и объясняет отсутствие новых творческих застоем, вызванным нахождением вне стимулирующей культурной среды: "Что же касается присылки новых стихотворений, то мне придется обмануть вас: я почти ничего не пишу. Я объясняю это отсутствием людей, обращение с которыми дало бы мне новые мысли или чувства. Уже год, как мне не удается ни с кем поговорить так, как мне хотелось бы. Я пишу это для того, чтобы вы не отчаялись во мне, видя мою лень, тем более, что ваше участие во мне - единственный козырь в моей борьбе за собственный талант".

Действительно, после ухода И. Ф. Анненского 5 января 1906 года с должности директора Николаевской мужской гимназии в Царском Селе гимназист Гумилев находился в своего рода духовном вакууме, заполнить который отчасти должна была, помимо чисто прагматических целей, переписка с признанным лидером русского модернизма Брюсовым.

Ответом Брюсова мы не располагаем, но, судя по письму Гумилева от 15 мая 1906 года, он был "любезным" и содержал просьбу дать биографическую канву корреспондента. Сведения, сообщенные Гумилевым, небезынтересны, так как вносят некоторые акценты в известные факты:

"3-го апреля мне исполнилось двадцать лет, и через две недели я получаю аттестат зрелости. Отец мой отставной моряк, и в материальном отношении я вполне обеспечен. Пишу я с двенадцати лет, но имею очень мало литературных знакомств, так, что многие мои вещи остаются не читанными за недостатком слушателей. Из иностранных языков читаю только на французском, и то с трудом, так, что собрался прочитать только одного Метерлинка. Из поэтов люблю больше всего Эдгара По, которого знаю по переводам Бальмонта, и вас (ради Бога, не считите это за лесть, и если вы скромны, то припишите это моей недостаточной культурности)".

В этом же письме Гумилев сообщает Брюсову о намерении уехать за границу и "пробыть там лет пять".

30 мая 1906 года Н. С. Гумилев получил аттестат зрелости и, как принято считать, летом этого же года, хотя точная дата отъезда документально не засвидетельствована, уехал в Париж. Целью поездки считается продолжение образования и обычно даже конкретно указывается на слушание лекций в Сорбонне, несмотря на отсутствие каких-либо подтверждающих доказательств и слабое знание Гумилевым французского языка (единственный след "официального" бытия Гумилева в Париже - снятие им нотариально заверенных переводов свидетельств о рождении и крещении и аттестата зрелости 4 декабря 1906 года, произведенное посреди учебного года, ничего нам в этом смысле не

дает). Письма к Брюсову из Парижа не содержат никаких упоминаний о пребывании в Парижском университете.

Первое дошедшее до нас письмо к Брюсову из Парижа от 30 октября 1906 года¹ представляет значительный интерес, ибо в нем молодой поэт позволяет себе вежливо не соглашаться с некоторыми советами мэтра. В том, что касается порицания за использование неточных рифм, то Гумилев вроде бы даже его принимает, хотя считает нужным заметить, что они для него пройденный этап и что к ним прибегал и сам Брюсов:

"[...] моя лень [...] шептала мне, что неточность рифм дает новые утонченные намеки и сочетанья мыслей и что этим эффектом пользовались вы сами в "Двух морях".

Последним протестом было мое стихотворение "Крокодил" (ниже), одобренное многими и стоявшее на очереди в редакции покойного "Слова". Но потом наступил перелом.

Последующие мои стихи, написанные с безукоризненными рифмами, доставили мне больше наслаждения, чем вся моя предшествующая поэзия. Мало того, я начал упиваться новыми, но безукоризненными рифмами, и понял, что источник их неистощим. Может быть, вы меня поймете, прочитав мою "Загадку", которую я особенно рекомендую вашему вниманию".

Упрек же в неразнообразии размеров Гумилев решительно отводит или, по крайней мере, отклоняет выдвигаемые в качестве образца размеры Вячеслава Иванова. По мысли Гумилева, разнообразие размеров Иванова в стихотворениях "Бетховениана" и "Пан и Психея" относится к внешней структуре стиха, в то время как своеобразие поэзии в его структуре внутренней.

"Теперь относительно размеров: вы пишете, что они у меня однообразны и несвоеобразны; что им надо учиться у Вячеслава Иванова. Я взял "Прозрачность" и пытался постигнуть строение ее стихов. Но насколько я мог заметить, их секрет основан на том, что г-н Иванов берет для одной строфы строки различных размеров ("Снилось мне: сквозит завеса меж землею и лицом небес, / Небо - влажный взор Зевеса, и печальный грустит Зевес") или к обыкновенному размеру прибавляет или убавляет один, два слога ("Я видел: Психею в густых лесах взлелеял Пан..."). Тогда как "В ночи, когда со звезд провидцы и поэты...", стихотворение, которое мне кажется у него лучшим, написано обыкновенным размером.

И тогда мне представилось, что прелесть стиха заключается во внутренней, а не во внешней структуре, в удлинении гласных и отчеканивании согласных, и это должен вызвать смысл стиха. Для пояснения привожу строфу из моих последних стихов:

..Страстная, как юная тигрица,
Нежная, как лебедь сонных вод,
В темной спальне ждет императрица,
Ждет дрожа того, кто не придет².

Здесь в первой строке долгие гласные должны произноситься гортанью и вызывать впечатление силы, а во второй строке два "е" и два "о", произнесенные в нос, должны показать томление, являются нижним тоном и относятся к первой строке так же, как синеголубые пятна на картинах фра Анджелико Фьезоле относятся к горячим красным. В третьей и четвертой строке ударение на третьем слоге от начала, чтобы сделать логичной паузу и ослабление тона: "...того - кто не придет".

Впрочем, все свои возражения Гумилев заключает почтительной формулой преданности учителю и веры в него: "Скажите мне только, что это не так, и я все силы положу, чтобы овладеть незнакомыми мне размерами. В ваши руки отдал я развитие моего таланта еще до первого вашего письма, и мне порукой служит то, что вы сделали для русской поэзии".

Интересно отметить: Гумилев обращает внимание на то, что Брюсов оценивает его поэзию, как в рецензии на "Путь конквистадоров", так и в письмах, почти исключительно с формальной точки зрения, в то время как молодого поэта интересуется и анализ

содержания: "Затем мне было крайне интересно узнать, что думаете вы о содержании моих стихов: их образах, настроеньях и идеях. Меня страшно интересует вопрос, какие образы показались вам, по вашему выражению, "действительно удачными", кроме того, это дало бы мне известный критерий для писанья последующих стихов. Не забывайте того, что я никогда в жизни не видал даже ни одного поэта новой школы или хоть сколько-нибудь причастного к ней. И никогда я не слышал о моих стихах мнение человека, которого я бы мог найти компетентным".

Две последние фразы озадачивают. Если дать им полную веру, то из них следует что-либо одно: или до 1906 года Гумилев не был близко знаком с И. Ф. Анненским и не знал, что тот пишет стихи, или не относил его тогда к "новой школе", или пока не придавал его поэзии (а заодно и его мнению о своей, если предположить знакомство Анненского с ней) особого значения. Культ Анненского еще впереди.

Не дождавшись ответа Брюсова, Гумилев пишет ему 11 ноября новое письмо. В нем обращает на себя внимание декларируемый юным поэтом отказ от претензий на передачу лишь исключительных состояний души, выраженный в парадоксальной, на манер О. Уайльда, форме: "[...] спешу ответить на ваш вопрос о влиянии Парижа на мой внутренний мир. Я только после вашего письма задумался об этом и пришел вот к каким выводам: он дал мне сознание глубины и серьезности самых меньших вещей, самых коротких настроений. Когда я уезжал из России, я думал заняться оккультизмом. Теперь я вижу, что оригинально завязанный галстук или удачно написанное стихотворение может дать душе тот же трепет, как и вызыванье мертвецов, о котором так некрасноречиво трактует Элифас Леви"³. К письму приложены два стихотворения; одно из них осталось неопубликованным, другое известно в иной редакции (последнее прижизненное издание - в "Романтических цветах" 1918 г.) под названием "Думы"; ранняя редакция (с редакторскими пометами Брюсова) имеет немалый интерес:

Мне было грустно, думы обступили
Меня, как воры в тишине предместий,
Унылые, как взмахи черных крылий,
Томилися и требовали мести.

Я был один, мои мечты бежали,
Моя душа сжималась от волненья,
И я читал на каменной скрижали
Мои слова, дела и преступленья.

За то, что я холодными глазами
Смотрел на игры смелых и победных,
За то, что я кровавыми устами
Касался уст трепещущих и бледных,

За то, что эти руки, эти пальцы
Не знали плуга, были слишком стройны,
За то, что песни, вечные скитальцы,
Обманывали, были беспокойны,

За все теперь настало время мести.
Мой лживый нежный храм слепцы разрушат,
И думы, воры в тишине предместий,
Как нищего во мгле, меня задуют.

2/15 ноября 1906 года Брюсов пишет Гумилеву небольшое письмо из Петербурга, где просит о "деятельном сотрудничестве" в "Весах", для чего хочет познакомиться со всеми новыми стихами, написанными Гумилевым после "Пути конквистадоров". В ответ на

"соображения" Гумилева "о рифмах и размерах" он обещает ему написать "маленький трактат".

Как мы можем судить по письму Гумилева от 8 января 1907 года, Брюсов выполнил свое обещание, однако упоминаемое здесь письмо "с рассуждениями о рифмах и размерах" к настоящему времени затерялось. О его содержании нам остается судить лишь по более чем суммарной характеристике Гумилева: "Оно сказало мне то, что я и раньше чувствовал, но не мог применить на деле, потому что эти мысли еще не проникли в мое сознание. Эзотерическая тайна привела меня в восторг, и я ее принимаю вполне. Мой демон нашептывает мне еще разные мелкие сомнения, но я отложу их до нашего свидания, тем более, что, как я слышал, вы собираетесь приехать в Париж".

Рассказав в этом же письме от 8 января 1907 года историю своего неудачного знакомства в Париже с Мережковскими, Гумилев сообщает, что затеял издание русского художественно-литературного журнала в Париже (о его названии "Сириус" мы узнаем из следующего письма от 14 января): "Несколько русских художников, живущих в Париже, затеяли издавать журнал, художественный и литературный. Так как среди них пишу я один, то они уговорили меня взять заведывание литературной частью с титулом редактора-издателя. Его направление будет новое, и политика тщательно изгоняема. Он будет выходить еженедельно размером в один или два печатных листа. Его небольшой размер почти дает мне возможность надеяться избежать ошибок и неловкостей, которые могут произойти от моей неопытности".

Сначала Гумилев просил Брюсова о сотрудничестве в журнале (8 января), затем (14 января) об отклике на него в "Весах", но обе просьбы остались невыполненными, а журнал, в котором, как известно, впервые были напечатаны стихи Анны Ахматовой, на третьем номере прекратил свое существование.

Отвечая на настойчивые просьбы Брюсова заняться прозой, Гумилев в письме от 14 января говорит и о большой ее притягательности для него, но одновременно и о недостаточном его "техническом умении" в этой области: "Теперь я должен оправдаться перед Вами в моей кажущейся лени, с которой я не присылаю в "Весы" ничего, кроме стихов. Но не забывайте, что мне только двадцать лет и у меня отсутствует чисто техническое умение писать прозаические вещи. Идей и сюжетов у меня много. С горячей любовью я обдумываю какой-нибудь из них, все идет стройно и красиво, но когда я подхожу к столу, чтобы записать все те чудные вещи, которые только что были в моей голове, на бумаге получаются только бессвязные, отрывочные фразы, поражающие своей какофонией. И я опять спешу в библиотеки, стараясь вывести у мастеров стиля, как можно победить роковую интерность⁴ пера".

К сожалению, мы не располагаем еще одним важным письмом Брюсова к Гумилеву, о котором последний говорит в своем ответе на него от 24 марта 1907 года ("...большое и милое письмо, где вы разбираете мои стихотворения"). Гумилев говорит о большой практической пользе письма, где показано, что "надо делать, чтобы стать поэтом". В то же время письмо Брюсова укрепило веру Гумилева в себя как в поэта: "Я поверил, что если я мыслю образами, то эти образы имеют некоторую ценность, и теперь все мои логические построения опять начинают облекаться в одежду форм, а доказательства превращаются в размеры и рифмы". Говоря о техническом несовершенстве своей поэзии, Гумилев называет в качестве недостижимых пока для него образцов стихотворения, главным образом, Брюсова, а также Блока: "Одно меня мучает и сильно - это мое несовершенство в технике стиха. Меня мало утешает, что мне только 21 год, и очень обескураживает, что я не могу прочесть себе ни одно из моих стихотворений с таким же удовольствием, как, напр., ваши "Ахилл у алтаря", "Маргерит" и др. или "Песню Офелии" Ал. Блока. Не радует меня также, что и [у] больших поэтов есть промахи, свойственные мне. Я не сравниваю моих вещей с чужими (может быть, во вред мне), я просто мечтаю и хочу уметь писать стихи, каждая строчка которых заставляет бледнеть щеки и гореть глаза. [...] Ваши стихи чаще всех других вызывают во мне эффект, о котором я мечтаю для своих.

И некоторые ваши строки, как составная часть, вошли не в мое мирозерцание (это было бы слишком мало), но [...] в мою истинную личность. Таковы, напр.:

Пора помыслить о победе
Над темным гением судьбы.

или

Как нимб, любовь, твое сиянье
Над всеми, кто погиб любя...
Блажен, кто ведал посмеяние
И стыд и гибель за тебя.

и другие".

Имя Блока, надо думать, не случайно появляется и в следующем письме Гумилева, написанном после значительного перерыва 1 мая 1907 года, по приезде в Россию, из Царского Села. Выясняя возможность встречи с Брюсовым, Гумилев в постскриптуме просит дать ему рекомендательное письмо к Блоку, добавляя: "Его "Нечаянная радость" заинтересовала меня в высшей степени". К письму приложены три стихотворения, из которых, по словам Гумилева, "два первых написаны по [...] указаниям" Брюсова. Должно быть, все они не удовлетворили Брюсова, ибо в "Весах" не появились (первое - "Влюбленная в Дьявола" вошло в 1908 году в сборник Гумилева "Романтические цветы", остальные два остались неопубликованными). Первое из неопубликованных стихотворений стоит привести, ибо оно в своем роде поучительно. Считая, что он следует указаниям Брюсова, Гумилев дает здесь набор штампов декадентского неоромантизма:

Зачарованный викинг, я шел по земле,
Я в душе согласил жизнь потока и скал
И скрывался во мгле на моем корабле.
Ничего не просил, ничего не желал.

В ярком солнечном свете надменный павлин,
В час ненастья внезапно свирепый орел,
Я в тревоге пучин встретил остров ундин,
Я летучее счастье, блуждая, нашел.

Да, я знал, оно жило и пело давно,
В дикой буре его сохранялась печать,
И смеялось оно, опускаясь на дно,
Поднимаясь к лазури, смеялось опять.

Изумрудным покрыло земные пути,
Зажигало лиловым морскую волну,
Я не смел подойти и не мог отойти
И не в силах был словом порвать тишину.

Вскоре после приезда Гумилева в Россию, видимо, в конце мая 1907 года в Москве состоялась его встреча с Брюсовым, после которой последовал двухмесячный перерыв в их переписке, вызванный обстоятельствами личной жизни Гумилева, в частности, его поездкой в Крым к Анне Горенко (будущей Ахматовой). Вернувшись в Париж, Гумилев пишет 3 августа 1907 года письмо, в котором, среди прочего, сообщает о намерении издать в Париже вторую книгу стихов, затем "переслав для продажи в Россию". Правда, в следующем письме от 15 августа он говорит, что "сборник [...] раздумал издавать, во-первых, потому, что [...] не доволен стихами, а, во-вторых, их слишком мало". Вообще же

в обоих письмах Гумилев выражает мнение, что сделал успехи за последнее время, свидетельством чему должны служить посылаемые на суд Брюсова стихотворения. Из прилагавшихся ко второму письму два ("Царь, упившийся кипрским вином..." и "За часом час бежит и падает во тьму...") остались неопубликованными. Второе, действительно, свидетельствует о значительном творческом росте Гумилева:

За часом час бежит и падает во тьму,
Но властно мой флюид прикован к твоему.

Сомкнулся круг навек, его не разорвать,
На нем нездешних рек священная печать.

Явления волшебства - лишь игры вечных числ,
Я знаю все слова и их сокрытый смысл.

Я все их спросил, но нет ни одного
Сильнее тайных сил флюида твоего.

Да, знание - сладкий мед, но знание ли спасет,
Когда закон зовет и время настает?

За часом час бежит, я падаю во тьму,
За то, что мой флюид покорен твоему.

Брюсов довольно долго не отвечал Гумилеву, что тот объяснял, вероятно, справедливо, досадой на свое молчание летом. В начале сентября Брюсов все же написал Гумилеву, но письмо, к сожалению, пока остается неизвестным, и о его содержании можно судить лишь по ответу Гумилева от 6 сентября 1907 года. Благодаря Брюсова за похвалы в его адрес, Гумилев выражает почтительное удивление тем, что Брюсов выбрал для "Весов" подражательное с точки зрения автора стихотворение: "Я в восторге от вашей похвалы. Лучше действительно трудно похвалить поэта двадцати одного года. Но меня только удивило, что вы взяли для "Весов" мою "Царицу Содомы", стихотворение, которое я очень не люблю и которое может показаться неловким подражанием вашему "Близ медлительного Нила, там, где озеро Мериды..." (цитирую на память). Но наверное у вас были основания поступить так, хотя я своими силами не могу догадаться о них".

Независимо от того, было удивление Гумилева искренним или это был завуалированный упрек Брюсову, мы имеем дело с констатацией нередкого в практике литературного ученичества случая: наставник невольно одобряет и поддерживает в ученике родственное, а то и прямо подражательное по отношению к себе. К чести Гумилева надо сказать, что соблазну похвал такого рода он не поддавался.

Его по-прежнему интересуют конкретные оценки и разборы стихотворений, о которых он не перестает спрашивать Брюсова: "Какого вы мнения о моей "Влюбленной в Дьявола"? Вот стихотворение, которое многие находят лучшим из моих и которое мне не говорит ничего. Потом какое из моих стихотворений, присланных вам этим летом и осенью, вы считаете наиболее удачным? Ваш ответ поможет мне наконец разобраться в том, как мне надо писать стихотворения, до сих пор я понял только, как мне не надо их писать".

Стесненность во времени не позволяла Брюсову быть столь подробным в своих оценках, как этого хотелось Гумилеву. В письме от 16 сентября 1907 года он ограничивается предложением Гумилеву сотрудничества в московской газете "Столичное утро" и просит его присоединиться к бойкоту журнала Н. П. Рябушинского "Золотое руно", объявленному группой "Весов", что и было выполнено Гумилевым, за исключением уже посланных Рябушинскому стихов. Правда, уже вскоре последовал призыв Брюсова бойкотировать и "Столичное утро", на который Гумилев ответил

изъявлением безусловного, но довольно ироничного согласия: "Таким образом выходит, что я бойкотировал уже два издания - "Утро" и "Руно". Недурно для начинающего писателя". Действительно, "подключение" Брюсовым Гумилева к литературной политике "Весов" существенно суживало возможности публикации молодым поэтом своих произведений, в то время как "Весы" печатали его не щедро, наравне с поэтами, в превосходстве над которыми Гумилев отдавал себе отчет: "Теперь относительно поэтов: насколько мне понравились мои соседи В. Гофман и Садовский, особенно последний, настолько меня неприятно удивили Соловьев и Тарасов. О Сологубе, конечно, не мне писать. Соловьев крайне неотчетлив, его мысли и образы напоминают шепелявящих детей, и, прочтя все шесть страниц его стихов, с трудом соображаешь, что он говорит о какой-то девушке, но что, как и зачем, это ускользает даже от внимательного читателя. Где же новизна рифм, обдуманность сравнений и умелая расстановка слов, о которых я читал в вашей рецензии⁵? Неужели "звенящая тишина" и "родимый мне"? Грустно! А я уже любил Соловьева за его переводы из Шиллера. Тарасов слишком откровенно воспользовался вашими "Грядущими гуннами", так что о нем и говорить не приходится" (недатированное письмо начала октября 1907 года).

Тем не менее Гумилев остается лояльным по отношению к Брюсову, несмотря на весьма лестное для него письменное приглашение Рябушинского участвовать в "Золотом руно" и большую творческую продуктивность осени 1907 года ("За последнее время по еженедельному количеству производимых стихотворений я начинаю приближаться к Виктору Гюго", там же). Порой эта продуктивность его озадачивает, и он опасается, не впадает ли он в "парнассизм", подразумевая под этим, видимо, чистое формотворчество: "Я пишу очень много, но начинаю бояться, что я приближаюсь к парнассизму, от которого вы меня предостерегали в Москве. Но во всяком случае это не плод теорий, а, может быть, просто временное умственное затемнение. Я им пользуюсь, чтобы работать над формой" (недатированное письмо, октябрь 1907 года).

Затем наступает черед прозы. Побывав в России, где он встречался в Киеве с Ахматовой, Гумилев по возвращении в Париж сообщает Брюсову в письме от 30 ноября 1907 года, что "принялся упорно работать над прозой", и добавляет: "Право, для меня она то же, что для Канта метафизика, но теперь, наконец, я написал три новеллы и посвящение к ним, все неразрывно связанное между собой. Наверное, завтра я пошлю их вам заказным письмом. Нечего и говорить, что я был бы в восторге, если бы вы согласились напечатать их в "Весях", но, по правде сказать, я едва надеюсь на такую честь. Поэтому не бойтесь обескуражить меня отказом, я к нему уже подготовлен и приму его за должное, но, если возможно, ответьте поскорее, берете ли вы эти новеллы или нет. Тогда я предложу их в другое место, а по романтическим причинам мне хочется видеть их напечатанными возможно скорее. Но, конечно, если их возьмут "Весы", я готов ждать хоть год. Они имеют вид миньятюр и в печати возьмут все вместе не более шести, семи страниц".

Брюсов отнесся благосклонно к опытам Гумилева в прозе, и три новеллы под одним названием "Радости земной любви" появились в свет в № 4 журнала "Весы" за 1908 год с посвящением Анне Андреевне Горенко. Надо отметить, что и в области прозы Гумилев решительно заявляет себя учеником Брюсова: "Я знаю, что мне надо еще очень много учиться, но я боюсь, что не сумею сам найти границу, где кончаются опыты и начинается творчество, и теперь моя высшая литературная гордость это быть вашим послушным учеником как в стихах, так и в прозе".

7 января 1908 года Гумилев посылает Брюсову новый рассказ под названием "Золотой рыцарь", который он, по его словам, "переписывал четыре раза, всегда с крупными поправками". Однако, видимо, христианская мистика этой вещи не увлекла Брюсова, и в "Весях" она не появилась (опубликовала ее в августе 1908 года скорее всего с содействия Брюсова "Русская мысль").

На рубеже 1907 и 1908 годов Брюсов и Гумилев обмениваются вышедшими у них книгами стихотворений: Брюсов посылает Гумилеву второй том своего собрания

стихотворений "Пути и перепутья", Гумилев Брюсову - вышедшие в Париже "Романтические цветы". Первый отклик Гумилева на "Пути и перепутья" в благодарственном письме от 26 декабря 1907 года ребячески наивен: "[...] мне хотелось бы лучше ориентироваться в истории развития вашего творчества, и поэтому я решаюсь задать вам нескромный вопрос, а именно, сколько вам лет теперь. Тогда бы я вычислил, скольких лет написали вы то или другое стихотворение, и знал бы, на что смогу надеяться в будущем я. Может быть, это смешно, но я все утешаю себя в недостатках моих стихов, объясняя их моей молодостью".

В следующем письме, от 1 января 1908 года, о "Путях и перепутьях" говорится как об учительном примере, школе мастерства: "Все это время я читал "Пути и перепутья", разбираю каждое стихотворение, его специальную мелодию и внутреннее построение, и мне кажется, что найденные мною по вашим стихам законы мелодии очень помогут мне в моих собственных попытках. Во всяком случае я понял, как плохи мои прежние стихи и до какой степени вы были снисходительны к их недостаткам".

Наконец, наиболее красноречиво Гумилев высказывается по поводу "Путей и перепутья" в письме от 7 января 1908 года, где благодарит Брюсова за присылку газеты "Раннее утро" со своим стихотворением "Следом за Синдбадом-Мореходом..." и статьей А. Белого о собрании стихотворений Брюсова: "Статья А. Белого о "Путях и перепутьях" интересна, и я с удовольствием бы подписался под ее второю частью, особенно под тем, что у вас нет учеников. Я люблю называть вас своим учителем, и, действительно, всему, что у меня есть лучшего, я научился у вас, но мне нужно еще бесконечно много, чтобы эта моя зависимость от вас могла почувствоваться читателями. То же, я думаю, можно сказать и о других молодых поэтах, сгруппировавшихся вокруг вас".

Гумилев вряд ли лукавил в этой присяге на верность и субъективно, вероятно, стремился к большей осязаемости своей "зависимости" от Брюсова, хотя со стороны совершенно ясно, что эта искомая им "зависимость" была не чем иным, как высокой степенью литературного мастерства, достигнутой уже Брюсовым; о прямом подражании мэтру не могло быть и речи, хотя Брюсов наиболее одобрительно, как это часто бывает, относился к вещам, сопоставимым с его собственным творчеством. С этой точки зрения интересен ответ Брюсова от 2 февраля 1908 года на присылку ему из Парижа вышедших там "Романтических цветов" Гумилева. Оценка книги довольно комплиментарная; особо выделяются стихотворения "брюсовские" если не по стилю, то по тематике: "Общее впечатление, какое произвела на меня ваша книга, - положительное. После "Пути" вы сделали успехи громадные. Может быть, конквистадоры вашей души еще не завоевали стран и городов, но теперь они вооружены для завоевания. В "Весях" о вашей книге буду писать непременно я. Лучшими пьесами в "Цветках" кажутся мне: "Юный маг", "Над тростником", "Что ты видишь", "Там, где похоронен" (добавления очень удачны), "Мой старый друг", "Каракалла", "Помпей", "Улыбнулась и вздохнула", "Царица, нет, не может быть", "Сады моей души", "Озеро Чад" (кое-что в I, все II, конец III), "Сада Якко" (конец); кроме того, нравятся мне отдельные места в стихотворениях: "Измена", "Под землей", "Я долго шел", "Следом за", "Приближается к Каиру", "На руке моей перчатка".

Рост мастерства Гумилева был отмечен и печатной рецензией Брюсова на "Романтические цветы" ("Весы", 1908, № 3): "[...] видишь, что автор много и упорно работал над своим стихом. Не осталось и следов прежней небрежности размеров, неряшливости рифм, неточности образов. Стихи Н. Гумилева теперь красивы, изящны и большей частью интересны по форме [...]". В то же время, в целом книга рассматривается как ученическая, и выражается надежда на то, что поэтические возможности Гумилева далеко еще не реализованы.

К сожалению, нам неизвестно отношение Брюсова к резко оригинальному, почти уже вполне "акмеистическому" стихотворению Гумилева "Камень", которое тот послал ему после получения отзыва о "Романтических цветах". Во всяком случае, в "Весях" стихотворение не появилось (было опубликовано в 1910 году в сборнике Гумилева

"Жемчуга" с посвящением матери поэта А. И. Гумилевой, свидетельствующим о том, что сам автор ставил эту вещь высоко).

Из оставшихся неопубликованными стихотворений, посланных в письмах к Брюсову начала 1908 года, особый интерес представляет стихотворение "Поэту" в письме от 23 февраля 1908 года. Сам Гумилев считает его программным, но невысоко отзывается о его художественных достоинствах: "Второе - обращение к себе самому; в нем я высказываю кое-что пришедшее мне в голову относительно конструкции стиха. Так что взгляните на него скорее как на рассуждение, чем как на стихотворение".

Думается, что в данном случае поэт был излишне строг, и его "поэтическое искусство" значительно не только содержащимися в нем мыслями, но и всей своей образно-стиховой системой:

Пусть будет стих твой гибок, но упруг,
Как тополь зеленеющей долины,
Как грудь земли, куда вонзился плуг,
Как девушка, не знавшая мужчины.

Уверенную строгость береги,
Твой стих не должен ни порхать, ни биться,
Хотя у музы легкие шаги,
Она богиня, а не танцовщица.

И перебойных рифм веселый гам,
Соблазн уклонов легкий и свободный,
Оставь, оставь накрашенным шутам,
Танцующим на площади народной.

И, выйдя на священные тропы,
Певучести пошли свои проклятья,
Пойми, она любовница толпы,
Как милостыни ждет она объятья.

К лету 1908 года Гумилев вернулся в Россию, видимо, по настоянию родителей, желавших, чтобы он продолжил образование (в августе 1908 года он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета). В письме от 15 июня выражается надежда на встречу с Брюсовым, которая дала бы новый импульс в борьбе за овладение поэтическим мастерством: "А то, правду сказать, я не вполне удовлетворен нашими прежними встречами. Вы были моим покровителем, а я ищу в вас "учителя" и жду формул деятельности, которым я поверю не из каких-нибудь соображений (хотя бы и высшего порядка), а вполне инстинктивно. Вспомните для примера ваше прошлогоднее письмо о рифмах и размерах. По "Ром[антическим] цветам" вы видите, как много оно мне открыло. Недавно мне передавали, что Вяч. Иванов недоволен моими стихами и находит, что в них чувствуется ваше влияние. При встрече я искренне поблагодарю его за это мнение. Я не воспринял от вас еще и четверти того, что мне надо, чтобы выяснить свою творческую индивидуальность. И мне кажется, чем решительнее, чем определеннее будут ваши советы, тем больше пользы они мне принесут".

Спустя месяц, 14 июля 1908 года, Гумилев конкретизирует вопросы, мнение по которым он хотел бы услышать от Брюсова: "Теперь, когда я опять задумался над теорией стихосложения, мне было бы крайне полезно услышать ваши ответы на следующие, смущающие меня вопросы: 1) достаточно ли самобытно построение моих фраз? 2) не нарушается ли гармония между фабулой и мыслью ("угловатость образов")? 3) заслуживают ли внимания мои темы и не является ли философская их разработка еще ребяческой?"

Ответы Брюсова нам неизвестны; постановка же вопросов говорит о том, что в лице Гумилева мы имеем дело с внимательным аналитиком собственного творчества, случай в

поэзии нечастый, дающий основание на отнесение поэта, если верить Полю Валери, в разряд "классиков" (в противоположность "романтикам").

В этом же письме Гумилев указывает на свою учебу у Леконт де Лиля, несмотря на то, что его поэзия сама по себе мало увлекательна: "[...] я уже давно собирался вам писать, но не хотелось делать это без обычного приложения, т. е. стихотворенья. Я написал его недавно, и, кажется, оно⁶ уже указывает на некоторую перемену в моих приемах, именно на усиление леконт-де-лилевского элемента. Кстати сказать, самого Л. Л. я нахожу смертельно скучным, но мне нравится его манера вводить реализм описаний в самые фантастические сюжеты. Во всяком случае, это спасенье от Блоковских туманностей. Я вырабатываю также и свою собственную расстановку слов".

Признание Гумилева крайне интересно, ибо, по его собственным словам, он учится у Леконт де Лиля тому, в чем можно видеть специфику наивысших достижений Гумилевской поэзии, в частности, "Заблудившегося трамвая".

Постепенно переписка Гумилева с Брюсовым становится менее интенсивной, иным становится и характер писем. Начало выхода в Петербурге с 1909 года литературно-художественного журнала "Аполлон", к руководству которого был близок Гумилев, и кризис, а затем закрытие фактически руководимых Брюсовым "Весов" в Москве вносит существенно новый акцент в отношения двух поэтов. Роль "покровителя", о которой писал Гумилев, за Брюсовым остается лишь частично; отныне основное, если не единственное, в чем он может помочь Гумилеву, это воздействовать на владельца издательства "Скорпион" и бывшего издателя "Весов" С. А. Полякова в пользу скорейшего издания нового сборника стихотворений Гумилева "Жемчуга" (в принципе вопрос был решен в 1908 году, но книга вышла в свет только в апреле 1910 года). Роль учителя также заметно слабеет, что объясняется возникновением при "Аполлоне" "Академии стиха", руководимой В. И. Ивановым. Со свойственной молодежи мнительностью Гумилев подозревает даже, что сближение с Ивановым вызвало охлаждение к нему Брюсова и перерыв в их переписке, и поначалу считал даже нужным оправдываться: "[...] я не писал вам целую вечность и две вечности не получал от вас писем. Что послужило причиной последнего, не знаю и никакой вины за собой не чувствую. Я три раза виделся с "царицей Савской" (так вы называли однажды Вячеслава Ивановича), но в дионисианскую ересь не совратился. Ни на каких редакционных или иных собраниях, относительно которых вы меня предостерегали, не бывал" (26 февраля 1909 года).

Вскоре, впрочем, он перестает отрекаться от нового учителя, и в письме от 21 апреля 1909 года сообщает о своих занятиях в ивановской "Академии стиха" и с некоторым вызовом говорит о той пользе, которую они ему приносят, хотя и делает оговорку, что это работа над формой, идущая, возможно, в ущерб содержанию: "Вы наверное уже слышали о лекциях, которые Вячеслав Иванович читает нескольким молодым поэтам, в том числе и мне. И мне кажется, что только теперь я начинаю понимать, что такое стих. Но с другой стороны меня все-таки пугает чрезмерная моя работа над формой. Может быть, она идет в ущерб моей мысли и чувства. Тем более что они упорно игнорируются всеми, кроме вас; я сужу по тому, что вы мне сказали о моем "Орле" и "Одиночестве".

В недатированном письме 1909 года Гумилев посылает Брюсову посвященный В. И. Иванову сонет "Судный День", позволяющий судить об усвоении им уроков нового учителя:

Раскроется серебряная книга,
Пылающая магия полудней,
И станет храмом брошенная рига,
Где, нищий, я дремал во мраке будней.

Священных схим озлобленный расстрига,
Я принял мир и горестный и трудный,

Но тяжкая на грудь легла верига,
Я вижу свет... то День подходит Судный.

Не смирну, не бдолах⁷, не кость слоновью,
Я приношу зовущему пророку
Багряный ток из виноградин сердца,

И он во мне поймет единовеца,
Залитого, как он, во славу року
Блаженно-расточительною кровью.

Написанный в духе Ивановского велеречия, сонет, видимо, не заинтересовал Брюсова и остался им неопубликованным; не напечатал его впоследствии и сам автор, хотя Иванов принял стихотворение, надо думать, одобрительно, поскольку откликнулся на него ответным сонетом в своем сборнике "Cor Ardens".

Однако несмотря на то, что литературная ориентация Гумилева претерпевает изменения, а переписка становится нерегулярной. Гумилев считает необходимым встретиться с Брюсовым в бытность свою в Москве в конце мая 1909 года, посылает ему открытки из своего абиссинского путешествия конца 1909-го - начала 1910 года, а по возвращении в Россию обращается 25 марта 1910 года с просьбой написать в "Аполлоне" о выходящих в свет "Жемчугах". От рецензии в "Аполлоне" на "Жемчуга" Брюсов отказался, сославшись на свои обязательства давать рецензии на сборники стихов журналу "Русская мысль", и рецензентом третьей книги стихов Гумилева в "Аполлоне" (1910, апрель) выступил Вяч. Иванов, заявивший, что оруженосец Брюсова Гумилев заслужил от него посвящения в рыцари. Излагая содержание рецензии Иванова в "Аполлоне" в письме к Брюсову от 21 апреля 1910 года из Киева, куда Гумилев приехал жениться на А. А. Горенко, он настоятельно просит Брюсова откликнуться на "Жемчуга", поскольку ими завершается целый период его творчества: "Не знаю, сочтете ли вы меня достойным посвящения в рыцари, но мне было бы очень важно услышать от вас несколько напутственных слов, так как "Жемчугами" заканчивается большой цикл моих переживаний и теперь я весь устремлен к иному, новому. Каково будет это новое, мне пока неясно, но мне кажется, что это не тот путь, по которому меня посылает Вячеслав Иванович⁸. Мне верится, что можно еще многое сделать, не бросая лиро-эпического метода, но только перейдя от тем личных к темам общечеловеческим, пусть стихийным, но под условием всегда чувствовать под своими ногами твердую почву. Но я повторяю, что мне это пока неясно, и жду от вас какого-нибудь указания, намека, которого я, может быть, сразу не пойму, но который встанет в моем сознании, когда нужно. Так бывало не раз, и я знаю, что всем, чего я достиг, я обязан вам".

Рецензия Брюсова на "Жемчуга" появилась в № 7 журнала "Русская мысль", когда Гумилев вернулся из свадебного путешествия. В рецензии констатировался дальнейший рост поэтического мастерства Гумилева: "Н. Гумилев медленно, но уверенно идет к полному мастерству в области формы. Почти все его стихотворения написаны прекрасно, обдуманно и утонченно звучащим стихом". В то же время, отмечался отрыв поэзии Гумилева от действительности: "Его поэзия живет в мире воображаемом и почти призрачном. Он как-то чуждается современности, он сам создает для себя страны и населяет их им самим сотворенными существами: людьми, зверями, демонами". Однако в целом рецензия была весьма лестной, что отмечается в благодарственном письме Гумилева от 10 июля 1910 года. Одновременно Гумилев говорит здесь о стремлении следовать совету Брюсова приблизить свою поэзию к действительности, хотя оговаривается, что силы его слишком слабы для этого: "Начиная с "Пути конквистадоров" и кончая последними стихами, еще не напечатанными, я стараюсь расширять мир моих образов и в то же время конкретизировать его, делая его таким образом все более и более похожим на действительность. Но я совершаю этот путь медленно, боясь расплескать тот

запас гармонии и эстетической уверенности, который так доступен, когда имеешь дело с мирами воображаемыми, и которому так мало (по-видимому) места в мире действительности.

Я верю, больше того, чувствую, что аэроплан прекрасен, русско-японская война трагична, город величественно страшен, но для меня это слишком связано с газетами, а мои руки еще слишком слабы, чтобы оторвать все это от обыденности для искусства. Тут я был бы только подражателем, неудачным вдобавок; а хочется верить, что здесь я могу сделать что-нибудь свое. "Жемчуга" - упражненья, и я вполне счастлив, что вы, мой первый и лучший учитель, одобрили их. Считаться со мной, как с поэтом, придется только через много лет".

Однако несмотря на последнюю фразу, отношения Гумилева с Брюсовым после выхода "Жемчугов" уже не строятся по формуле "ученик - учитель". Это отношения двух, пусть не равновеликих, но самостоятельных поэтических величин. Соответственно совершенно меняется характер переписки. Последнее письмо Брюсову было написано Гумилевым в 1919 году. Рекомендую Брюсову молодых писателей, Н. А. Оцупа и М. Л. Слонимского, в качестве представителей "миролюбивого и развивающегося акмеизма", Гумилев, выступивший в 1913 году его родоначальником, считает нужным заявить: "Вы ведь как мой литературный восприемник являетесь дедом этого течения". Это признание говорит о том, что, несмотря на все перипетии литературной борьбы 1910-х годов, Гумилев отдавал себе ясный отчет в своем долге по отношению к тому, кого он некогда назвал своим "первым и лучшим учителем".

1986 г.
Москва

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Заграничные письма Гумилева датированы им по новому стилю.

² Цитата из приложенного к письму среди других стихотворения Гумилева "Император" ("Каракалла").

³ Французский оккультист XIX века.

⁴ Скованность (от фр. interne, внутренний).

⁵ В рецензии на сборник "Цветы и ладан" Сергея Соловьева ("Весы", 1907, № 5, май).

⁶ Стихотворение "Царица" (вошло в сборник Гумилева "Жемчуга").

⁷ Благовоние для богослужений, упоминаемое в Библии.

⁸ Иванов полагал, что дальнейшая эволюция Гумилева пойдет по пути разделения эпического и лирического начал его поэзии.